

нескольких десятилетий актуализировали вопросы международного здравоохранительного сотрудничества.

В программе дисциплины «Медицинское право» необходимо ввести самостоятельную тему: Международное сотрудничество в сфере здравоохранения, в котором рассмотреть вопросы участия государства в соответствующих международных соглашениях и вытекающие из них международно-правовые обязательства. Необходимо уделить внимание участию государства в международных организациях, а именно в специализирующихся в сфере здравоохранения: Всемирной организации здравоохранения (региональные бюро ВОЗ), и на тех международных организациях как универсального, так и регионального характера в компетенцию, которых входят отдельные вопросы здравоохранения: Всемирная торговая организация, Международная организация труда, Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры, Совет Европы, Содружество Независимых Государств и т.д. Следовало также рассматривать в данной теме сотрудничество государств с международными неправительственными организациями, такими как Всемирная медицинская ассоциация, Врачи без границ.

Список использованных литературы:

1. Tamara K. Hervey, Jean Vanessa McHale. Health Law and the European Union // Cambridge University Press, 2004.
2. Короткий Т.Р. Фрагментация міжнародного права через призму міжнародного права охорони здоров'я // Правове життя сучасної України: Тези доповідей Міжнародної наукової конференції професорсько-викладацького складу (м. Одеса, 21-22 травня 2010 р. / Відп. ред. д-р. юрид. наук, проф. Ю.М. Оборотов // Одеська національна юридична академія. — О.: Фенікс, 2010.

ЛЮБАШЕНКО ВЯЧЕСЛАВ ИГОРЕВИЧ

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
старший преподаватель кафедры международного права
и международных отношений, кандидат юридических наук

СТРАХОВАНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ИНВЕСТИЦИОННОМ ПРАВЕ: *HOCHTIEF AG V. ARGENTINE*

Дело *HOCHTIEF Aktiengesellschaft v. Argentine Republic*, находившееся на рассмотрение трибунала Международного центра по урегулированию инвестиционных споров в 2011-2016 годах, представляет на сегодня единственное дело, которое затрагивает вопросы страхования по-

литических рисков в международном инвестиционном праве. Хотя решение по делу [1] было вынесено в конце 2016 года, в аспекте страхования имеет значение решение по ответственности (*Decision on Liability*) 2014 года [2], которое является составляющей частью окончательного решения. Оно представляет несомненный интерес для интерпретации существующего правового регулирования страхования политических рисков.

Фактические обстоятельства, относящиеся к вопросу страхования, были следующими: Истец-инвестор (немецкое юридическое лицо) заключил контракт страхования инвестиции в Аргентине по государственной схеме страхования иностранных инвестиций Германии; после приостановления действия концессионного контракта (в форме которого была осуществлена инвестиция) и к моменту вынесения решения страховщик фактически выплатил страховую гарантию Истцу. В своем решении от 2014 года трибунал поднял два интересных аспекта относительно страхования.

Первый аспект относился к толкованию статьи 6 Двустороннего соглашения о взаимном поощрении и защите иностранных инвестиций между Германией и Аргентиной 1991 года. Данная статья гласит: «Если одна Договаривающаяся сторона производит платежи свои физическим или юридическим лицам за инвестиции на суверенной территории другой Договаривающейся стороны, то эта другая Договаривающаяся сторона ... признает переход всех прав и требований данного физического или юридического лица первой Договаривающейся стороне на основании закона или юридического акта». Трибунал пришел к довольно спорному выводу о том, что «статья 6 всего обязывает государство-Ответчика признать или допустить такой переход прав под условием, что переход был фактически осуществлен по закону или юридическим актом. В настоящем деле не было доказано, что такой переход произошел» [2, para 186]. Таким образом трибунал определил наличие *jus standi* у инвестора-Истца. Важно, что основанием для иска в инвестиционный трибунал и для выплаты страховой гарантии послужили одни и те же события. Несмотря на это, трибунал разделил аспект выплаты компенсации и перехода прав и требований, то есть определил, что первое не влечет за собой автоматически второе. При этом трибунал не определил, что может служить доказательством перехода прав и требований, хоть и в фактических обстоятельствах дела было указано, что выплата страховой гарантии была произведена. Таким образом, Истец получил возмещение дважды — от страхового агента и от Ответчика. При этом второй аспект страхования в решении относился именно к сумме, подлежащей выплате.

Специальные положения, аналогичные вышеназванной статье, содержатся во многих двусторонних инвестиционных соглашениях. Например, статья 8 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Украины о содействии и взаимной защите

инвестиций 1995 года гласит: «Если Договаривающаяся Сторона или ее уполномоченный посредник производит платежи своим собственным инвесторам согласно гарантии, которую она предоставила в связи с инвестициями на территории другой Договаривающейся Стороны, последняя Договаривающаяся Сторона признает: а) передачу согласно закону или законному соглашению в этой стране какого бы то ни было права...» [3]. Кажется, что именно недостаток арбитражной практики является тем фактором, который приводит к выводам, аналогичным в деле *HOCHTIEF AG v. Argentine*. Вполне разумным будет рассматривать страхование политических рисков, включая аспект перехода прав и требований, в границах национального законодательства. При анализе данного дела остается непонятным стоит ли трибуналу анализировать страхование политических рисков в рамках национального права (по крайней мере в решение данного трибунала такого анализа нет) или лишь требуется наличие доказательства перехода прав и требований. В любом случае, связанность выплаты и суброгации в страховании характерна большинству правовых систем мира.

Второй аспект, который затронул трибунал, относится к размеру требований Истца (ущерба). Трибунал решил, что выплата страховой гарантии не может служить основанием для изменения суммы требований (компенсации), а сам страховой контракт является соглашением с третьей стороной, не меняющей суммы ущерба [2, para 309]. В таком аспекте страховая выплата рассматривается как «бонус», проистекающий из частного контракта, отдельного от инвестиции, разрешать вопросы по которому Трибунал не имеет компетенции. Интересно, что такая интерпретация отражает современные тенденции договорной практики международного инвестиционного права. Последнее Модельное двустороннее инвестиционное соглашение США 2012 года содержит положение (статья 28.7), согласно которому «ответчик не может использовать в качестве защиты, встречного иска, права зачета или другой причины факт того, что истец получил или получит возмещение убытков или компенсацию полностью или частично от предполагаемого ущерба в соответствии с договором страхования или гарантии» [4].

Как видно из данного решения, компетенция инвестиционного трибунала не распространяется на аспекты страхования политических рисков — присутствует четкое разграничение аспектов, относящихся к инвестиции и вопросов по страхованию политических рисков. Такой подход приводит к необходимости нескольких судебных процессов для разрешения потенциального вопроса двойной компенсации: первый — в рамках инвестиционного арбитража, второй — в рамках национальной судебной системы. В общих чертах этот подход соответствует архитектуре инвестиционного арбитража, но на практике лишь усложняет разрешение международных инвестиционных споров.

Список использованной литературы:

1. *Hochtief Aktiengesellschaft v. The Argentine Republic*, ICSID Case No. ARB/07/31, Award of 19 Decmber 2016.
2. *Hochtief Aktiengesellschaft v. The Argentine Republic*, ICSID Case No. ARB/07/31, Decision on Liability of 29 December 2014.
3. Соглашение между Правительством Украины и Правительством Республики Беларусь о содействии и взаимной защите инвестиций от 14.12.1995. Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/MU95093U.html
4. 2012 US Model Bilateral Investment Treaty. Режим доступа: <https://www.state.gov/documents/organization/188371.pdf>

ПЛОТНИКОВ О. В.

Національний університет «Одеська юридична академія»,
доцент кафедри міжнародного права та міжнародних відносин
кандидат юридичних наук

ТРАНЗИТИВНА ЮСТИЦІЯ ЯК СОЦІАЛЬНИЙ ФЕНОМЕН

Генеральний Секретар ООН в своїй директивній записці від березня 2010 року визначив транзитивну юстицію як повний набір процесів та механізмів, пов'язаних зі спробою суспільства подолати наслідки попередніх масових правопорушень для того аби забезпечити відповідальність, відправити правосуддя та досягнути примирення [2]. Транзитивна юстиція є відносно новим, але все більш популярним феноменом, сутність якого залишається не до кінця ясною. Сам термін був запропонований на початку 1990-х років американською дослідницею Р. Тайтель [7, р. 1] для позначення широкого кола понять, феноменів та процесів. Хоча в даній сфері існує велика кількість окремих досліджень, бракує єдиного бачення транзитивної юстиції. Дана робота пропонує погляд на транзитивну юстицію як на соціально-правовий феномен. Пропонується, що транзитивна юстиція є результатом соціального пакту, який створюється між конфліктуючими групами для відновлення їхнього співіснування та взаємодії після значних змін, пов'язаних з порушенням попереднього соціального контракту та насильства, що стало його наслідком. Кінцевим результатом суспільних зусиль має бути відновлення балансу інтересів соціальних сил, що дозволить ним існувати далі як частини єдиної спільноти.

Концепція транзитивної юстиції зародилася наприкінці 1980-х років, коли цілий ряд країн Латинської Америки та Африки відчув на собі перехід від авторитарних режимів «в напрямку неясного «чогось ще» [3, р. 73]. Ці переходи не завжди були зразковими та не завжди призводили до створення демократичних режимів [1, р. 3]. Вже тоді